

Н.И. Надеждин

Обозрение русской словесности за 1833 год

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Ныне, когда имя *обозрений* (revue) становится почти собственным именем периодических изданий в Европе, чем приличнее начать нам Новый год, как не *обозрением*, по крайней мере, самих себя? Конечно, теперь уже имя не вещь, слово не дело, но как не подозревать тайного смысла в этой почти всеобщей страсти журналов называться *обозрениями*? Нам кажется, сие название, заменившее собой прежних *зрителей*, высказывает глубокую современную тайну. Прежде сами люди были только *зрители* на шумном театре света, *зрители* простые, беспечные, рассеянные: они любили только глядеть, как передвигаются кулисы, развертываются декорации, сверкает блестящая шумиха, мелькают китайские тени; им не было нужды больше ни до чего; ничего больше не требовали они и от журналов! Теперь, напротив, совсем другое! Настоящее поколение, пережженное в горниле опытов, утратило дедовскую беззаботность, основывавшуюся на безусловной доверенности к настоящему. Оно глядит теперь не потому, что природа дала глаза, которых девать некуда; глядит на все не просто, а в оба; глядит -- и оглядывается беспрестанно... Есть ли это плод обдуманной осторожности, внушаемой похвальным благоразумием, или следствие одряхления, невольно располагающего к подозрительности, -- вопрос сей решать считаем здесь неуместным. Довольно, что осмотрительность, самая внимательная, составляет отличительный характер всех действий, коими обнаруживается жизнь современная. В знаниях ум не делает шагу вперед, не оглядываясь во все стороны; в житейской, практической деятельности воля сама себя подвергает беспрестанному дозору; даже в искусствах, где играющая жизнь забывается до безотчетного иступления, гений бдительно сторожит за своим вдохновением, обдумывает восторги, рассчитывает впечатления, коротко сказать, осматривается с ног до головы. Все подчинено ответственности, разбору, обозрению! Итак, мудрено ли, что журналы, коих существенное назначение: быть отголосками современного духа жизни, единодушно стремятся к тому, чтобы, хотя по имени, удовлетворить господствующей потребности во все всматриваться, все разглядывать, все *обозревать* внимательным, строгим оком?

Стоя на страже литературной жизни нашего отечества, мы хотели б подвергнуть обозрению последнюю главу ее истории, ограничивающуюся пределами истекшего 1833 года. Но, к крайнему прискорбию, находим, что в ней не только нечего обозревать, нечего почти и видеть. Какое горькое, убийственное впечатление! В продолжение трех лет, при окончании каждого года, мы повторяли печальные иеремиады о возрастающем запустении нашей словесности, но всегда растворяли свои жалобы утешительными надеждами на лучшую будущность. Сие самое запустение казалось нам ручательством близкого изобилия, подобно как в физической нашей атмосфере усиливающаяся засуха внушает ожидание скорого ливня. Мы не теряем и ныне сей отрадной доверенности к будущему; но, признаемся, настоящее уже так пусто и дико, что невольно пугаешься и за будущность. Конечно, нельзя сказать, чтобы в прошлом году не было совсем никакого замечательного движения в литературной нашей жизни. Но оттого ли, что в перспективе минувшего, по мере отдаления от нас, все становится туманнее и потому, вследствие оптического обмана, все принимает большие размеры или, может быть, оттого, что в прежние годы продолжалось еще владычество авторитетов и имен, обманывавших зрение своею яркостью: только 1833 год кажется ничтожнее всех предшествовавших ему собратий! Не знаем, что скажут цифры статистиков в рассуждении итога вышедших в нем книг, сравнительно с предшествовавшими годами; но относительно впечатлений, оставленных ими, против прежних лет, недочет решительный! Довольно, что не было ни одной новой поэмы Пушкина, ни одного нового романа Булгарина. Даже бесконечная жизнь Евгения Онегина прекратилась; даже неистощимая фамилия Выжигиных перестала давать новые отродья. Стало, ни расхвалить, ни разбранить нечего! Ни особенного добра, ни особенного худя!

То было тьма без темноты,
То было бездна пустоты,
Без протяженья и границ,
То были образы без лиц!

.....